

Кур
БУЛЫЧЕВ

ПОХИЩЕНИЕ
ЧАРОДЕЯ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Кир Булычев

Похищение чародея

OCR & spellcheck by HarryFan, 20 October 2000
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135407

Похищение чародея: АСТ; 2000

ISBN 978-5-699-12597-5

Аннотация

Если вы решили подкупить яичек на рынке – будьте осторожны. Хорошо, если просто тухлые всучат, а то могут и такие, которые путь в параллельный мир открывают... Если вы решили отдохнуть в уютном деревенском домике – хорошенько подумайте. Не пришлось бы оказаться втянутым в гнусную историю с похищением из Древней Руси гениального чародея – изобретателя... Если вы решили поучаствовать в экспедиции собирателей фольклора – подумайте, в какое село вас может занести. Не то попадете в местечко, где привидения бродят, мельницы по окрестностям гуляют, медведи из пушек палят – и, по слухам, еще и водица живая из – под земли бьет...

Содержание

1	4
2	9
3	12
4	19
5	28
6	34
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кир Булычев

Похищение чародея

1

Дом понравился Анне еще издали. Она устало шла пыльной тропинкой вдоль заборов, сквозь дырявую тень коренастых лип, мимо серебристого от старости колодезного сруба – от сильного порыва ветра цепь звякнула по мятому боку ведра, – куры суетливо уступали дорогу, сетуя на человеческую наглость, петух же отошел строевым шагом, сохраняя достоинство. Бабушки, сидевшие в ряд на завалинке, одинаково поздоровались с Анной и долго смотрели вслед. Улица была широкой, разъезженная грузовиками дорога вилась посреди нее, как речка по долине, поросшей подорожником и мягкой короткой травой.

Дом был крепким, под железной, когда-то красной крышей. Он стоял отдельно от деревни, по ту сторону почти пересохшего ручья.

Анна остановилась на мостике через ручей – два бревна, на них набиты поперек доски. Рядом был брод – широкая мелкая лужа. Дорога пересекала лужу и упиралась в распах-

нутые двери серого бревенчатого пустого сарая. От мостика тянулась тропа, пробежала мимо дома и петляла по зеленому склону холма, к плоской вершине, укрытой плотной шапкой темных деревьев.

Тетя Магда описала дорогу точно, да и сама Анна шаг за шагом узнавала деревню, где пятилетней девочкой двадцать лет назад провела лето. К ней возвращалось забытое ощущение покоя, гармонирующее со ржаным полем, лопухами и пышным облаком над рощей, звоном цепи в колодце и силуэтом лошади на зеленом откосе.

Забор покосился, несколько планок выпало, сквозь щели проросла крапива. Смородиновые кусты перед фасадом в три окна, обрамленных некогда голубыми наличниками и прикрытых ставнями, разрослись и одичали. Дом был одинок, он скучал без людей.

Анна отодвинула ржавый засов калитки и поднялась на крыльцо. Потом оглянулась на деревню. Деревня тянулась вдоль реки, и лес, отделявший ее от железнодорожного разъезда, отступал от реки широкой дугой, освобождая место полям. Оттуда тянуло прохладным ветром. И видно было, как он перебегает Вятлу, тысячью крошечных лапок взрывая зеркало реки и раскачивая широкую полосу прибрежного тростника. Рев мотора вырвался из-за угла дома, и низко сидящая кормой лодка распилила хвостом пены буколические следы ветра. В лодке сидел белобородый дед в дождевике и синей шляпе. Словно почувствовав взгляд Анны,

он обернулся, и, хотя лицо его с такого расстояния казалось лишь бурым пятном, Анне показалось, будто старик осуждает ее появление в пустом доме, которому положено одиноко доживать свой век.

Пустое человеческое жилище всегда печально. Бочка для воды у порога рассохлась, из нее почему-то торчали забытые грабли, у собачьей конуры с провалившейся крышей лежал на ржавой цепочке полуистлевший ошейник.

Анна долго возилась с ключом, и, когда дужка сердито выскочила из пузатого тела замка, входная дверь поддалась туго, словно кто-то придерживал ее изнутри. В сенях царилла нежилая затхлость, луч солнца, проникнув в окошко под потолком, пронзил темный воздух, и в луче замельтешили вспугнутые пылинки.

Анна отворила дверь в теплую половину. Дверь была обита рыжей клеенкой, внизу было прикрытое фанерой отверстие, чтобы кошка могла выйти, когда ей вздумается. Анна вспомнила, как сидела на корточках, завидуя черной теткиной кошке, которой разрешалось гулять даже ночью. Воспоминание звякнуло, как колокольчик, быстро прижатый ладонью. На подоконнике в молочной бутылке стоял букет бумажных цветов. Из-под продавленного дивана выскочила мышь-полевка.

Отогнув гвозди, Анна растворила в комнате окна, распахнула ставни, потом перешла на кухню, отделенную от жилой комнаты перегородкой, не доходившей до потолка, и раскры-

ла окно там. При свете запустение стало более очевидным и грустным. В черной пасти русской печи Анна нашла таз, в углу под темными образами – тряпку. Для начала следовало вымыть полы.

Натаскав из речки воды – одичавшие яблони в саду выросли так, что приходилось продирааться сквозь ветки, – и вымыв полы, Анна поставила в бутылку букет ромашек, а бумажные цветы отнесла к божнице. Она совсем не устала – эта простая работа несла в себе приятное удовлетворение, а свежий запах мокрых полов сразу изгнал из дома сладковатый запах пыли.

Одну из привезенных с собой простынь Анна постелила на стол в большой комнате и разложила там книги, бумагу и туалетные принадлежности.

Теперь можно было и отдохнуть. То есть сходить за молоком в деревню, заодно навестить деда Геннадия и его жену Дарью.

Анна нашла на кухне целую кринку, вышла из дома, заперла по городской привычке дверь, постояла у калитки и пошла не вниз, к деревне, а к роще на вершине, потому что с тем местом была связана какая-то жуткая детская тайна, забытая двадцать лет назад.

Тропинка вилась среди редких кустов, у которых розовела земляника, и неожиданно Анна оказалась на вершине холма, в тени деревьев, разросшихся на старом, заброшенном кладбище. Серые плиты и каменные кресты утонули в зем-

ле, заросли орешником, и в углублениях между ними буйно цвели ландыши. Одна из плит почему-то стояла торчком, и Анна предположила, что здесь был похоронен колдун, который потом ожил и выкарабкался наружу.

Вдруг Анне показалось, что за ней кто-то следит. Внутри роши было очень тихо – ветер не смел хозяйничать здесь, и древний кладбищенский страх вдруг овладел Анной и заставил, не оборачиваясь, быстро пойти вперед...

2

– Ты, конечно, прости, Аннушка, – сказал белобородый дед в дождевике и синей шляпе, – если я тебя испугал.

– Здравствуйте, дедушка Геннадий, – сказала Анна. Вряд ли кто-нибудь еще в деревне мог сразу признать ее.

Они стояли у каменной церкви с обвалившимся куполом. Большая стрекоза спланировала на край кринки, которую Анна прижимала к груди, и заглянула внутрь.

– За молоком собралась? – спросил дед Геннадий.

– К вам.

– Молочка дадим. А я за лошадью пришел, сюда забрела. Откуда-то у нее стремление к покою. Клеопатрой ее зовут, городская, с ипподрома выбракованная.

– Тетя Магда вам писала?

– Она мне пишет. Ко всем праздникам. Я в Прудники ездил, возвращаюсь, а ты на крыльце стоишь. Выросла... В аспирантуру, значит, собираешься?

– Тетя и об этом написала?

Гнедая кобыла стояла по другую сторону церкви, грелась на солнце. Она вежливо коснулась зубами протянутой ладони. Ее блестящая шкура пахла потом и солнцем.

– Обрати внимание, – сказал дед Геннадий, – храм семнадцатого века, воздвигнутый при Алексее Михайловиче, а фундамент значительно старше. Понимаешь? Сюда рестав-

ратор из Ленинграда приезжал. Васильев, Терентий Иванович, не знакома?

– Нет.

– Может, будут реставрировать. Или раскопки начнут. Тут на холме город стоял в средневековые времена. Земля буквально полна исторических тайн.

Дед торжественно вздохнул. Надвинул шляпу на глаза, хлопнул Клепу по шее, и та сразу пошла вперед, Анна поняла, что реставратор Васильев внес в душу Геннадия благородное смятение, открыв перед ним манящие глубины веков.

Впереди шла Клеопатра, затем, жестикулируя, дед – дождевик его колыхался, как покрывало привидения. Он говорил, не оборачиваясь, иногда его голос пропадал, заглохнув в кустах. Речь шла об опустении рек и лесов, о том, что некий купец еще до революции возил с холма камень в Полоцк, чем обкрадывал культурное наследие, о том, что население этих мест смешанное, потому что сюда все кому не лень ходили, о том, что каждой деревне нужен музей... Темы были многочисленны и неожиданны.

Они спустились с пологой, противоположной от реки стороны холма и пошли вдоль ржаного поля, по краю которого росли васильки. Анна отставала, собирая цветы, потом догоняла деда и улавливала новую тему – о том, что над Миорами летающая тарелка два дня висела, а на Луне возможна жизнь в подлунных вулканах... У ручья дед обернулся.

– Может, у нас поживешь? Чего одной в доме? Мы с Дарьей одни, беседовать будем.

– Мне и дома хорошо. Спасибо.

– Я и не надеялся, – легко согласился дед.

В доме деда Геннадия пришлось задержаться. Бабушка Дарья вскипятила чай, достала конфеты, а дед вынул из сапожной коробки и разложил на столе свой «музей», который он начал собирать после встречи с реставратором Васильевым. В «музее» были: фотографии деда двадцатых годов, банка из-под чая с черепками разной формы и возраста, несколько открыток с видом Полоцка и курорта Монте-Карло, покрытая патиной львиная голова с кольцом в носу – ручка от двери, подкова, кремневый наконечник копья, бутылочка от старинных духов и что-то еще. Коллекция была случайная, сорочья, бабушка Дарья отозвала Анну на кухню поговорить о родственниках, потом шепнула: «Ты не смейся, пускай балуется. А то пить начнет». Бабушка Дарья прожила с Геннадием полвека и все боялась, что он запыет.

3

Сумерки были наполнены звуками, возникающими от тишины и прозрачности воздуха. Голоса от колодца, женский смех, воркование телевизора, далекий гудок грузовика и даже перестук колес поезда в невероятной залесной дали – все это было нужно для того, чтобы Анна могла как можно глубже осознать необъятность небес, блеск отражения луны в черной реке, непроницаемое молчание леса, всплеск вечерней рыбы и комариный звон.

Анна поднялась к дому и не спеша, улыбаясь при воспоминании о дедушкиной болтовне, открыла на этот раз покоренный замок. Держа его в одной руке, а кринку с парным молоком в другой, она вошла в темные сени, сделала шаг и неожиданно налетела на что-то твердое и тяжелое. Кринка выпала и грохнулась о пол, замок больно ударил по ноге. Анна вскрикнула, обхватила руками лодыжку, и тут же из-за перегородки, отделявшей сени от холодной горницы, резкий мужской голос спросил:

– Ты что, Кин?

С чердака откликнулся другой, низкий:

– Я наверху.

Несмотря на жуткую боль, Анна замерла. Ее на мгновение посетила дикая мысль – она ошиблась домом. Но по эту сторону ручья только один дом. И она сама только что отперла

его.

Часто заскрипели ступеньки узкой лестницы, ведущей на чердак. Скрипнула дверь.

Два фонаря вспыхнули одновременно. Анна зажмурилась.

Когда она открыла глаза, щурясь, увидела в сенях двух мужчин, посредине

– большой желтый чемодан, облитый молоком. Молочная лужа растекалась по полу, в ней рыжими корабликами покачивались черепки кринки.

Один был молод, едва ли старше Анны, в строгом синем костюме, галстук-бабочке, с вьющимися черными волосами и гусарским наглым взглядом. Второй, спустившийся с чердака, был постарше, массивней, плотней, лицо его было скуластым, темнокожим, на нем светлыми точками горели небольшие глаза. Одет он был в черный свитер и потертые джинсы.

Морщась от боли, Анна выпрямилась и спросила первой:

– Вы через окно влезли?

Мужчины держали в руках небольшие яркие фонарики.

– Что вы здесь делаете? – спросил скуластый бандит.

– Я живу здесь. Временно. – И, как бы желая сразить их наповал, Анна добавила: – Вот видите, я и пол вымыла.

– Пол? – спросил скуластый и посмотрел на лужу молока.

Анна была так зла, да и нога болела, что забыла об испуге.

– Если вам негде переночевать, – сказала она, – перейдите

через ручей, в крайний дом. Там комната пустая.

– Почему это мы должны уходить? – спросил молодой.

– Вы что, хотите, чтобы я ушла?

– Разумеется. Вам здесь нечего делать.

– Но ведь это дом моей тетки, Магды Иванкевич.

– Это черт знает что, – сказал молодой. – Никакой тетки здесь быть не должно.

– Правильно! – воскликнула Анна, все более преисполняясь праведным гневом. – Тетки быть здесь не должно. Вас тоже.

– Мне кажется, – заявил скуластый бандит, – что нам надо поговорить. Не соблаговолите ли пройти в комнату?

Анна обратила внимание, что речь его была чуть старомодной, точно он получил образование в дореволюционной гимназии.

Не дожидаясь ответа, бандит толкнул дверь в горницу. Там было уютно. Диван был застелен, на столе лежали книги, частично английские, что сразу убеждало: в комнате обитает интеллигентный человек – то есть Анна Иванкевич.

Видно, эта мысль пришла в голову и бандиту, потому что его следующие слова относились не к Анне, а к спутнику.

– Жюль, – сказал он, – кто-то прошляпил.

Жюль подошел к столу, поднял английскую книжку, пошевелил губами, разбирая название, и заметил:

– Не читал.

Видно, хотел показать свою образованность. Возможно,

он торговал иконами с иностранцами, занимался контрабандой и не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от свидетеля.

– Хорошо, – сказал скуластый бандит. – Не будем ссориться. Вы полагали, что дом пуст, и решили в нем пожить. Так?

– Совершенно верно. Я знала, что он пуст.

– Но вы не знали, что хозяйка этого дома сдала нам его на две недели. И получилось недоразумение.

– Недоразумение, – подтвердила Анна. – Я и есть хозяйка.

Гусар уселся на диван и принялся быстро листать книжку.

Вдали забрехала собака. В полуоткрытое окно влетел крупный мотылек и полетел к фонарику. Анна, хромая, подошла к столу и зажгла керосиновую лампу.

– Магда Федоровна Иванкевич, – сказал скуластый бандит учительским голосом, – сдала нам этот дом на две недели.

– Когда вы видели тетю? – спросила Анна.

– Вчера, – ответил молодой человек, не отрываясь от книги. – В Минске.

Вранье, поняла Анна. Вчера утром она проводила тетку в Крым. Полжизни прожив в деревне, тетка полагала, что деревня – не место для отдыха. Экзотическая толкотня на ялтинской набережной куда более по душе ее романтической белорусской натуре... Они здесь не случайно. Их привела сюда продуманная цель. Но что им делать в этом доме? Чем серьезнее намерения у бандитов, тем безжалостнее они к своим жертвам – цель оправдывает средства. Как бы вы-

рваться отсюда и добежать до деда?

– Пожалуй, – сказал задумчиво большой бандит, дотро-
нувшись пальцем до кончика носа, – вы нам не поверили.

– Поверила, – сказала Анна, сжимаясь под его холодным
взглядом. Чем себя и выдала окончательно. И теперь ей оста-
валось только бежать. Тем более что молодой человек отло-
жил книгу, легко поднялся с дивана и оказался у нее за спи-
ной. Или сейчас, или никогда. И Анна быстро сказала:

– Мне надо выйти. На улицу.

– Зачем? – спросил большой бандит.

Анна бросилась к полуоткрытому окну, нырнула в него го-
ловой вперед, навстречу ночной прохладе, душистому аро-
мату лугов и запаху горького дыма от лесного костра. Прав-
да, эту симфонию она не успела оценить, потому что гусар
втащил ее за ноги обратно в комнату. Анна стукнулась под-
бородком о подоконник, чуть не вышибла зубы и повисла –
руками за подоконник, ноги на весу.

– Отпусти, – простонала Анна. Ей было очень больно.

В ее голосе был такой заряд ненависти и унижения, что
скуластый бандит сказал:

– Отпусти ее, Жюль.

Выпрямившись, Анна сказала гусару:

– Этого я вам никогда не прощу.

– Вы рисковали. Там под окном крапива.

– Смородина, – сказала Анна.

– Вы чего не кричали? – деловито спросил скуластый бан-

дит. – Тут далеко слышно.

– Я еще закричу, – сказала Анна, стараясь не заплакать.

– Сударыня, – сказал большой бандит, – успокойтесь. Мы не причиним вам зла.

– Тогда убирайтесь! – крикнула Анна визгливым голосом. – Убирайтесь немедленно из моего дома! – Она схватилась за челюсть и добавила сквозь зубы: – Теперь у меня рот не будет открываться.

Громоздкий бандит поглядел поверх ее головы и сказал:

– Жюль, погляди, нельзя ли снять боль?

Анна поняла, что убивать ее не будут, а Жюль осторожно и твердо взял ее за подбородок сухими тонкими пальцами и сказал, глядя ей в глаза своими синими гусарскими глазами:

– Неужели мы производим такое впечатление?

– Производите, – сказала Анна упрямо. – И вам придется вытереть пол в сенях.

– Это мы сделаем, – сказал Кин, старший бандит, подходя к окну. – И наверное, придется перенести решение на завтра. Сегодня все взволнованы и даже раздражены. Встанем пораньше...

– Вы все-таки намерены здесь ночевать? – сказала Анна.

– А куда же мы денемся?

Деваться в такое время было некуда.

– Тогда будете спать в холодной комнате. Только простынь у меня для вас нет.

– Обойдемся, – сказал Жюль. – Я возьму книжку с собой.

Очень интересно. Завтра верну.

– Где половая тряпка? – спросил Кин.

– Я сейчас дам, – сказала Анна и прошла на кухню. Кин следом. Принимая тряпку, он спросил:

– Может, вас устроит денежная компенсация?

– Чтобы я уехала из своего дома?

– Скажем, тысяча рублей?

– Ото, я столько получаю за полгода работы.

– Значит, согласны?

– Послушайте, в деревне есть другие дома. В них живут одинокие бабушки. Это вам обойдется дешевле.

– К сожалению, – сказал Кин, – нас устраивает этот дом.

– Неужели под ним клад?

– Клад? Вряд ли. А две тысячи?

– За эти деньги вы можете купить здесь три дома. Не швыряйтесь деньгами. Или они государственные?

– Ирония неуместна, – строго сказал Кин, словно Анна училась у него в классе. – Деньги государственные.

– Слушайте, – сказала Анна, – мойте пол и идите спать.

4

Анне не спалось. За стеной тихо переговаривались незваные гости. В конце концов Анна не выдержала и выглянула в сени. Один из фонариков лежал на полке – матовый шарик свечей на сто. Импортная вещь, подумала Анна. Очень удобно в туристских походах. Чемоданов прибавилось. Их было уже три. Может, бандиты уже вселили подруг?

И в этот момент посреди прихожей с легким стуком возник блестящий металлический ящик примерно метр на метр. Тут же послышался голос гусара:

– Приехали.

Дверь в холодную комнату дрогнула и стала открываться. Анна мгновенно нырнула к себе.

Это было похоже на мистику, и ей, естественно, не нравилось. Вещи так просто из ничего не возникают, разве что в фантастических романах, которые Анна не терпела. Но читала, потому что они дефицитны.

Бандиты еще долго передвигали что-то в прихожей, бормотали и угомонились только часа в три. Тогда и Анна заснула.

Проснулась она не так, как мечтала в последние недели. То есть: слышны отдаленные крики петухов, мычание стада, бредущего мимо окон, птицы гомонят в ветвях деревьев, солнечные зайчики скачут по занавеске. Анна представила,

как сбежит к речке и окунется в холодную прозрачную воду. Сосны взмахивают ветвями, глядя, как она плывет, распугивая серебряных мальков.

За стенкой зазвучали голоса, и сразу вспомнилась глупая вчерашняя история, из-за которой Анна расстроилась раньше, чем услышала пение петухов, мычание стада и веселый шорох листвы. Для того чтобы сбежать к речке и окунуться в весело бегущую воду, Анне нужно было пройти через сени, где обосновались непрошеные соседи. И купаться расхотелось. Следовало поступить иначе – распахнуть дверь и хозяйским голосом спросить: «Вы еще здесь? Сколько это будет продолжаться? Я пошла за милицией!» Но ничего подобного Анна не сделала, потому что была не причесана и не умыта. Тихо, стесняясь, что ее услышат, Анна пробралась на кухню, налила холодной воды из ведра в таз и совершила скромный туалет. Причесываясь, она поглядела в кухонное окно. Убежать? Глупо. А они будут бежать за мной по улице? Лучше подожду, пока зайдет дед Геннадий.

Находиться на кухне до бесконечности Анна не могла. Поэтому она разожгла плиту, поставила чайник и, подтянутая, строгая, вышла в сени.

Там стояло шесть ящичков и чемоданов, один из них был открыт, и гусар Жюль в нем копался. При скрипе двери он захлопнул чемодан и буркнул:

– Доброе утро.

Его реакция подсказала Анне, что неприязнь взаимна, и

это ее даже обрадовало.

– Доброе утро, – согласилась Анна. – Вы еще здесь?

Кин вошел с улицы. Мокрые волосы приклеились ко лбу.

– Отличная вода, – сообщил он. – Давно так хорошо не купался. Вы намерены купаться?

«С чего это у него хорошее настроение?» – встревожилась Анна.

– Нет, – сказала она. – Лучше я за молоком схожу.

– Сходите, Аня, – сказал Кин миролюбиво.

Такого Анна не ожидала.

– Вы собрались уезжать? – спросила она недоверчиво.

– Нет, – сказал Кин. – Мы остаемся.

– Вы не боитесь, что я позову на помощь?

– Вы этого не сделаете, – улыбнулся Кин.

– Еще как сделаю! – возмутилась Анна. И пошла к выходу.

– Посуду возьмите, – сказал ей вслед гусар. – У вас деньги есть?

– Не нужны мне деньги.

Анна хлопнула дверью, вышла на крыльцо. Посуда ей была не нужна. Она шла не за молоком.

По реке вспыхивали блески солнца, в низине у ручья зацепился клоч тумана.

Дверь сзади хлопнула, вышел Кин с кастрюлей и письмом.

– Аня, – сказал он отеческим голосом, – письмо вам.

– От кого? – спросила Анна, покорно принимая кастрюлю.

– От вашей тети, – сказал Кин. – Она просила передать...

– Почему вы не показали его вчера?

– Мы его получили сегодня, – сказал Кин.

– Сегодня? Где же ваш вертолет?

– Ваша тетушка, – не обратил внимания на иронию Кин, – отдыхающая в Крыму, просила передать вам большой привет.

Анна прижала кастрюлю к боку и развернула записку.

«Аннушка! – было написано там. – Кин Владимирович и Жюль обо всем со мной договорились. Ты их не обижай. Я им очень обязана. Пускай поживут в доме. А ты, если хочешь, у деда Геннадия. Он не откажется. Мы с Миленой доехали хорошо. Прутиков встретил. Погода теплая. Магда».

Кин стоял, чуть склонив голову, и наблюдал за Анной.

– Чепуха, – сказала она. – Это вы сами написали.

– И про Миленку мы написали? И про Прутикова?

– Сколько вы ей заплатили?

– Сколько она попросила.

Тетя была корыстолюбива, а если они перед ее носом помахали тысячью рублей... тогда держись! Но как же они это сделали?

– Сегодня утром? – переспросила Анна.

– Да. Мы телеграфировали нашему другу в Крым вчера ночью. На рассвете оно прибыло сюда самолетом.

Письмо было настоящим, но Анна, конечно, не поверила, что все было сделано именно так.

– У вас и рация своя есть? – спросила Анна.

– Вам помочь перенести вещи? – спросил Кин.

– Не надейтесь, – сказала она. – Я не сдамся. Мне плевать, сколько еще писем вы притащите от моей тетушки. Если вы попробуете меня убить или вытащить силой, я буду сопротивляться.

– Ну зачем так, – скорбно сказал Кин. – Наша работа, к сожалению, не терпит отлагательства. Мы просим вас освободить этот дом, а вы ведете себя как ребенок.

– Потому что я оскорблена, – сказала Анна. – И упряма.

– Никто не хотел вас оскорблять. Для нас встреча с вами была неприятной неожиданностью. Специфика нашей работы такова, что нам нежелательно привлекать к себе внимание, – сказал Кин. Глаза у него были печальными.

– Вы уже привлекли, – сказала Анна, – мое внимание. Вам ничего не остается, как рассказать мне, чем вы намерены заниматься.

– Но может, вы уедете? Поверьте, так всем будет лучше.

– Нет, – сказала Анна. – Подумайте, а я пошла купаться.

И не вздумайте выкидывать мои вещи или запирать дверь.

Вода оказалась в меру прохладной, и, если бы не постоянно кипевшее в Анне раздражение, она бы наслаждалась. Доплыв до середины реки, она увидела, как далеко отнесло ее вниз по течению, повернула обратно и потратила минут пятнадцать, чтобы выплыть к тому месту, где оставила полотенце и книгу.

Выбравшись на траву, сбегавшую прямо к воде, Анна

улеглась на полотенце, чтобы позагорать. Как назло, ничего хорошего из этого не вышло

– несколько нахальных слепней налетели как истребители, и Анна расстроилась еще более.

– Простите, – сказал Кин, присаживаясь рядом на траву.

– Я вас не звала, – буркнула Анна.

– Мы посоветовались, – сказал Кин, – и решили вам кое-что рассказать.

– Только не врать, – сказала Анна.

– Нет смысла. Вы все равно не поверите. – Кин с размаху шлепнул себя по шее.

– Слепни, – сказала Анна. – Здесь, видно, коровы пасутся.

Она села и накрыла плечи полотенцем.

– Мы должны начать сегодня, – сказал Кин. – Каждая минута стоит бешеных средств.

– Так не тратьте их понапрасну.

– Меня утешает лишь то, что вы неглупы. И отзывы о вас в институте положительные. Правда, вы строптивы...

– Вы и в институте успели?

– А что делать? Вы – неучтенный фактор. Наша вина. Так вот, мы живем не здесь.

– Можно догадаться. На Марсе? В Америке?

– Мы живем в будущем.

– Как трогательно! А в чемоданах – машина времени?

– Не иронизируйте. Это – ретрансляционный пункт. Нас сейчас интересует не двадцатый век, а тринадцатый. Но, что-

бы попасть туда, мы должны сделать остановку здесь.

– Я всегда думала, что путешественники во времени – народ скрытный.

– Попробуйте поделиться тайной с друзьями. Кто вам поверит?

Кин отмахнулся от слепня. Пышное облако напоззло на солнце, и сразу стало прохладно.

– А почему я должна вам верить? – спросила Анна.

– Я скажу, что нам нужно в тринадцатом веке. Это, конечно, невероятно, но заставит вас задуматься...

Анне вдруг захотелось поверить. Порой в невероятное верить легче, чем в обыкновенные объяснения.

– И в каком вы живете веке?

– Логичный вопрос. В двадцать седьмом. Я продолжу? В тринадцатом веке на этом холме стоял небольшой город Замошье. Лоскуток в пестром одеяле России. К востоку лежали земли Полоцкого княжества, с запада и юга жили литовцы, летты, самогиты, ятвяги и другие племена и народы. Некоторые существуют и поныне, другие давно исчезли. А еще дальше, к западу, начинались владения немецкого ордена меченосцев.

– Вы археологи?

– Нет. Мы должны спасти человека. А вы нам мешаете.

– Неправда. Спасайте. И учтите, что я вам пока не верю. И зачем забираться в средневековье? Кого спасти? Он тоже путешественник?

– Нет, он гений.

– А вы откуда знаете?

– Наша специальность – искать гениев.

– А как его звали?

– Его имя – Роман. Боярин Роман.

– Никогда не слышала.

– Он рано погиб. Так говорят летописи.

– Может, летописцы все придумали?

– Летописцы многого не понимали. И не могли придумать.

– Что, например?

– Например, то, что он использовал порох при защите города. Что у него была типография... Это был универсальный гений, который обогнал свое время.

– Если он погиб, как вы его спасете?

– Мы возьмем его к себе.

– И вы хотите, чтобы он не погиб, а продолжал работать и изобрел еще и микроскоп? А разве можно вмешиваться в прошлое?

– Мы не будем вмешиваться. И не будем менять его судьбу.

– Так что же?

– Мы возьмем его к себе в момент смерти. Это не окажет влияния на ход исторических событий.

– Не могу поверить. Да и зачем это вам?

– Самое ценное на свете – мозг человека. Гении так редки,

моя дорогая Анна...

– Но он же жил тысячу лет назад! Сегодня любой первоклассник может изобрести порох.

– Заблуждение. Человеческий мозг развит одинаково уже тридцать тысяч лет. Меняется лишь уровень образования. Сегодня изобретение пороха не может быть уделом гения. Сегодняшний гений должен изобрести...

– Машину времени?

– Скажем, машину времени... Но это не значит, что его мозг совершенней, чем мозг изобретателя колеса или пороха.

– А зачем вам изобретатель пороха?

– Чтобы он изобрел что-то новое.

Облака, высокие, темные с изнанки, освободили солнце, и оно снова осветило берег. Но цвет его изменился – стал тревожным и белым. И тут же хлынул дождь, хлестнул по тростнику, по траве. Анна подхватила книгу и, закрывая голову полотенцем, бросилась к яблоням. Кин в два прыжка догнал ее, и они прижались спинами к корявому стволу. Капли щелкали по листьям.

– А если он не захочет? – спросила Анна.

Кин вдруг засмеялся.

– Вы мне почти поверили, – сказал он.

– А не надо было верить? – Ее треугольное, сходящееся к ямке на крепком остром подбородке лицо покраснело, отчего волосы казались еще светлее.

– Это замечательно, что вы поверили. Мало кто может похвастаться таким непредвзятым восприятием.

– Такая я, видно, дура.

– Наоборот.

– Ладно, спасибо. Вы все-таки лучше скажите, зачем вам лезть за гением в тринадцатый век? Что, поближе не оказалось?

– Во-первых, гениев мало. Очень мало. Во-вторых, не каждого мы можем взять к себе. Он должен быть не стар, потому что с возрастом усложняется проблема адаптации,

и, главное, он должен погибнуть случайно или трагически... без следа. На похоронах Леонардо да Винчи присутствовало много людей.

– И все-таки – тринадцатый век!

Дождь иссякал, капли все реже били по листьям.

– Вы не представляете, что такое перемещение во времени...

– Совершенно не представляю.

– Я постараюсь примитивно объяснить. Время – объективная физическая реальность, оно находится в постоянном поступательном движении. Движение это, как и движение некоторых иных физических процессов, осуществляется по спирали.

Кин опустил на корточки, подобрал сухой сучок и нарисовал на влажной земле спираль времени.

– Мы с вами – частички, плывущие в спиральном потоке, и ничто в мире не в силах замедлить или ускорить это движение. Но существует другая возможность – двигаться прямо, вне потока, как бы пересекая виток за витком.

Кин, не вставая, нарисовал стрелку рядом со спиралью.

Затем он поднял голову, взглянул на Анну, чтобы убедиться, поняла ли она. Анна кивнула.

Кин выпрямился и задел ветку яблони – на него посыпались брызги. Он тряхнул головой и продолжал:

– Трудность в том, что из любого конкретного момента в потоке времени вы можете попасть только в соответству-

ющий момент предыдущего временного витка. А продолжительность витка более семисот лет. Очутившись в предыдущем или последующем витке, мы тут же вновь попадаем в поток времени и начинаем двигаться вместе с ним. Допустим, что приблизительно двадцатому июля 2745 года соответствует двадцатое июля 1980 года. Или берем следующий виток, двадцатое июля 1215 года, или следующий виток, двадцатое июля 540 года. Поглядите. – Кин дополнил рисунок датами: 1215 —> 1980 —> 2745.

– Теперь вы понимаете, почему мы не можем откладывать нашу работу? – спросил он.

Анна не ответила.

– Мы несколько лет готовились к переходу в 1215 год, давно ждали, когда момент смерти боярина Романа совпадет с моментом на нашем витке времени. Город Замосье падет через три дня в 1215 году. И через три дня погибнет неизвестный гений тринадцатого века. Если мы не сделаем все в три дня, обо всей операции надо будет забыть. Навсегда. А тут вы...

– Я же не знала, что вам помешаю.

– Никто вас не винит.

– А почему нельзя прямо в тринадцатый век?

– К сожалению, нельзя пересечь сразу два витка времени.

На это не хватит всей энергии Земли. Мы должны остановиться и сделать промежуточный пункт здесь, в двадцатом веке.

– Пошли домой, – сказала Анна. – Дождь кончился.

Она посмотрела на спираль времени, нарисованную на влажной бурой земле. Рисунок был прост и обыден. Но он был нарисован человеком, который еще не родился.

Они пошли к дому. Облака уползли за лес. Парило.

– Значит, нас разделяет семьсот лет, – сказала Анна.

– Примерно. – Кин отвел ветку яблони, чтобы Анне не надо было наклоняться. – Это хорошо, потому что такая пропасть времени делает нашу с вами связь эфемерной. Даже если бы вы захотели узнать, когда умрете, а это естественный вопрос, я бы ответить на него не смог. Слишком давно.

– Вам задавали такие вопросы?

– Мы не должны говорить об этом. Но такие случаи уже были и не нарушали эксперимента. Временная система стабильна и инерционна. Это же море, поглощающее смерчи...

– Я жила давно... – подумала Анна вслух. – Для вас я ископаемое. Ископаемое, которое жило давно. Мамонт.

– В определенной степени, да. – Кин не хотел щадить ее чувств. – Для меня вы умерли семьсот лет назад.

– Вы в этом уверены?

– Уверен. Хоть и не видел вашей могилы.

– Спасибо за прямоту... Я была вчера на кладбище. Там, на холме. Я могу оценить величину этой пропасти.

– Мы хотим пересечь ее.

– И забрать оттуда человека? А если он будет несчастен?

– Он гениален. Гений адаптабелен. У нас есть опыт.

– Вы категоричны.

– К сожалению, я всегда сомневаюсь. Категоричен Жюль.

Может, потому что молод. И не историк, а в первую очередь физик-временщик.

– Вы историк?

– У нас нет строгого деления на специальности. Мы умеем многое.

– Хотя в общем вы не изменились.

– Антропологический тип человека остался прежним. Мы далеко не все красивы и не все умны.

– Во мне просыпаются вопросы, – сказала Анна, остановившись у крыльца.

Кин вынул грабли из бочки и приставил к стене.

– Разумеется, – сказал он. – Об обитаемости миров, о социальном устройстве, о войнах и мире... Я не отвечу вам, Анна. Я ничего не могу вам ответить. Хотя, надеюсь, сам факт моего прилета сюда уже оптимистичен. И то, что мы можем заниматься таким странным делом, как поиски древних мудрецов...

– Это ничего не доказывает. Может, вы занимаетесь поисками мозгов не от хорошей жизни.

– При плохой жизни не хватает энергии и времени для таких занятий. А что касается нехватки гениев...

В калитке возник дед Геннадий с кринкой в руке.

– Здравствуй, – сказал он, будто не замечая Кина, который стоял к нему спиной. – Ты что за молоком не пришла?

– Познакомьтесь, – сказала Анна. – Это мои знакомые приехали.

Кин медленно обернулся.

6

Лицо Кина удивительным образом изменилось. Оно вытянулось, обвисло, собралось в морщины и сразу постарело лет на двадцать.

– Геннадий... простите, запамятовал.

– Просто Геннадий, дед Геннадий. Какими судьбами? А я вот вчера еще Анне говорил: реставратор Васильев, человек известный, обещал мне, что не оставит без внимания наши места по причине исторического интереса. Но не ожидал, что так скоро.

– Ага, – тихо сказала Анна. – Разумеется. Васильев. Известный реставратор из Ленинграда.

И в этом, если вдуматься, не было ничего странного: конечно, они бывали здесь раньше, вынюхивали, искали место для своей машины. Серьезные люди, большие ставки. А вот недооценили дедушкиной страсти к истории.

– И надолго? – спросил дед Геннадий. – Сейчас ко мне пойдем, чаю попьем, а? Как семья, как сотрудники? А я ведь небольшой музей уже собрал, некоторые предметы, имеющие научный интерес.

– Обязательно, – улыбнулся Кин очаровательной гримасой уставшего от постоянной реставрации, от поисков и находок великого человека. – Но мы ненадолго, проездом Аню навестили.

– Навестили, – эхом откликнулась Анна.

– Правильно, – согласился дед, влюбленно глядя на своего кумира, – я сейчас мой музей сюда принесу. Вместе посмотрим и выслушаем ваши советы.

Кин вдруг обратил на Анну умоляющий взгляд: спасайте!

– Не бесплатно, – сказала Анна одними губами, отвернувшись от зоркого деда. – Мы погодя зайдем, – сказала она. – Вместе зайдем, не надо сюда музей нести, можно помять что-нибудь, сломать...

– Я осторожно, – сказал дед. – Вы, конечно, понимаете, что мой музей пока не очень велик. Я некоторые кандидатуры на местах оставляю. Отмечаю и оставляю. Мы с вами должны на холм сходить, там я удивительной формы крест нашел, весь буквально кружевной резьбы, принадлежал купцу второй гильдии Сумарокову, супруга и чада его сильно скорбели в стихах.

Анна поняла, что и она бессильна перед напористым дедом. Спасение пришло неожиданно. В сенях скрипнуло, дверь отворилась. Обнаружился Жюль в кожанке. Лицо изуродовано половецкими усами.

– Терентий Иванович, – сказал он шоферским голосом, – через пятнадцать минут едем. Нас ждать не будут. – Он снисходительно кивнул деду Геннадию, и дед оробел, потому что от Жюля исходила уверенность и небрежность занятого человека.

– Да, конечно, – согласился Кин. – Пятнадцать минут.

– Успеем, – сказал дед быстро. – Успеем. Поглядим. А машина пускай ко мне подъедет. Где она?

– Там, – туманно взмахнул рукой Жюль.

– Ясно. Значит, ждем. – И дед с отчаянным вдохновением потащил к калитке реставратора Васильева, сомнительного человека, которому Анна имела неосторожность почти поверить.

«Интересно, как вы теперь выпутаетесь!» Анна смотрела им вслед. Две фигурки – маленькая, в шляпе, дождевике, и высокая, в джинсах и черном свитере, – спешили под откос. Дед размахивал руками, и Анна представила, с какой страстью он излагает исторические сведения, коими начинен сверх меры.

Она обернулась к крыльцу. Жюль держал в руке длинные усы.

– Я убежден, что все провалится, – сообщил он. – Вторая накладка за два дня. Я разнесу группу подготовки. По нашим сведениям, дед Геннадий должен был на две недели уехать к сыну.

– Могли у меня спросить.

– Кин вел себя как мальчишка. Не заметить старика. Не успеть принять мер! Теряет хватку. Он вам рассказал?

– Частично, мой отдаленный потомок.

– Исключено, – сказал Жюль. – Я тщательно подбирал предков.

– Что же будет дальше?

– Будем выручать, – сказал Жюль и нырнул в дверь.

Анна присела на порог, отпила из кринки – молоко было парное, душистое. Появился Жюль.

– Не забудьте приклеить усы, – сказала Анна.

– Останетесь здесь, – сказал Жюль. – Никого не пускать.

– Слушаюсь, мой генерал. Молока хотите?

– Некогда, – сказал Жюль.

Анне было видно, как он остановился перед калиткой, раскрыл ладонь – на ней лежал крошечный компьютер – и пальцем левой руки начал нажимать на кнопки.

Склон холма и лес, на фоне которых стоял Жюль, заколебались и начали расплываться, их словно заволакивало дымом. Дым сгущался, принимая форму куба. Вдруг Анна увидела, что перед калиткой на улице возникло объемное изображение «газика». Анна отставила кринку. «Газик» казался настоящим, бока его поблескивали, а к радиатору приклеился березовый листок.

– Убедительно, – сказала Анна, направляясь к калитке. – А зачем вам эта голография? Деда этим не проведешь.

Жюль отворил дверцу и влез в кабину.

– Так это не голография? – тупо спросила Анна.

– И не гипноз, – сказал Жюль.

Вспомнив о чем-то, он высунулся из машины, провел рукой вдоль борта. Появились белые буквы: «Экспедиционная».

– Вот так, – сказал Жюль и достал ключи из кармана.

Включил зажигание. Машина заурчала и заглохла.

– А, чтоб тебя! – проворчал шофер. – Придется толкать.

– Я вам не помощница, – сказала Анна. – У вас колеса земли не касаются.

– А я что говорил, – согласился Жюль.

Машина чуть осела, покачнулась и на этот раз завелась. Набирая скорость, «газик» покатился по зеленому откосу к броду.

Анна вышла из калитки. На земле были видны рубчатые следы шин.

– Очевидно, они из будущего, – сказала Анна сама себе. – Пойду приготовлю обед.

Лжереставраторы вернулись только через час. Пришли пешком с реки. Анна уже сварила лапшу с мясными консервами.

Она услышала их голоса в прихожей. Через минуту Кин заглянул на кухню, потянул носом и сказал:

– Прекрасно, что сообразила. Я смертельно проголодался.

– Кстати, – сказала Анна. – Моих продуктов надолго не хватит. Или привозите из будущего, или доставайте где хотите.

– Жюль, – сказал Кин, – будь любезен, занеси сюда продукты.

Явился мрачный Жюль, водрузил на стол объемистую сумку.

– Мы их приобрели на станции, – сказал Кин. – Дед пола-

гает, что мы уехали.

– А если он придет ко мне в гости?

– Будем готовы и к этому. К сожалению, он преклоняется перед эрудицией реставратора Васильева.

– Ты сам виноват, – сказал Жюль.

– Ничего, когда Аня уйдет, она запрет дом снаружи. И никто не догадается, что мы остались здесь.

– Не уйду, – сказала Анна. – Жюль, вымой тарелки, они на полке. Я в состоянии вас шантажировать.

– Вы на это не способны, – сказал Кин отнюдь не убежденно.

– Любой человек способен. Если соблазн велик. Вы меня поманили приключением. Может, именно об этом я мечтала всю жизнь. Если вам нужно посоветоваться со старшими товарищами, валяйте. Вы и так мне слишком много рассказали.

– Это невысказано, – возмутился Кин.

– Вы плохой психолог.

– Я предупреждал, – сказал Жюль.

Обед прошел в молчании. Все трое мрачно ели лапшу, запивали молоком и не смотрели друг на друга, словно перессорившиеся наследники в доме богатой бабушки.

Анна мучилась раскаянием. Она понимала, что и в самом деле ведет себя глупо. Сама ведь не выносишь, когда невежды суют нос в твою работу, и, если в тебе есть хоть капля благородства, ты сейчас встанешь и уйдешь... Впрочем, нет,

не сейчас. Чуть позже, часов в шесть, ближе к поезду. Надо незаметно ускользнуть из дома, не признавая открыто своего поражения... И всю жизнь мучиться, что отказалась от уникального шанса?

Кин отложил ложку, молча поднялся из-за стола, вышел в сени, что-то там уронил. Жюль поморщился. Наступила пауза.

Кин вернулся со стопкой желтоватых листков. Положил их на стол возле Анны. Потом взял тарелку и отправился на кухню за новой порцией лапши.

– Что это? – спросила Анна.

– Кое-какие документы. Вы ничего в них не поймете.

– Зачем тогда они мне?

– Чем черт не шутит! Раз уж вы остаетесь...

Анна чуть было не созналась, что уже решила уехать. Но нечаянно ее взгляд встретился со злыми глазами гусара. Жюль не скрывал своей неприязни.

– Спасибо, – сказала Анна небрежно. – Я почитаю.

Гости занимались своими железками. Было душно. Собиралась гроза. Анна расположилась на диване, поджала ноги. Желтые листочки были невелики, и текст напечатан убористо, четко, чуть выпуклыми буквами.

Сначала латинское название.

Bertholdi Chronicon Lyvoniae, pag. 29, Monumenta Lyvoniae, VIII, Rigae, 1292.

...Рыцарь Фридрих и пробст Иоганн подали мнение: необходимо, сказали они, сделать приступ и, взявши город Замош, жестоко наказать жителей для примера другим. Ранее при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого у остальных нет должного страха. Порешим же: кто из наших первым взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника. Вероломного князя, врага христианской церкви, мы вознесем выше всех на самом высоком дереве. И казним жестоко его слугу, исчадие ада, породителя огня.

И русы выкатили из ворот раскаленные колеса, которые разбрасывали по сторонам обжигающий огонь, чтобы зажечь осадную башню от пламени. Между тем ландмейстер Готфрид фон Гольм, неся стяг в руке, первым взобрался на вал, а за ним последовал Вильгельм Оге, и, увидев это, остальные ратники и братья спешили взойти на стену первыми, одни

поднимали друг друга на руки, а другие бились у ворот...

Рядом с этим текстом Анна прочла небрежно, наискось от руки приписанное: «Перевод с первой публикации. Рукопись Бертольда Рижского найдена в отрывках, в конволюте XIV в., в Мадридской биб-ке. Запись отн. к лету 1215. Горский ошибочно идентифицировал Замошье с Изборском. См. В.И. 12.1990, стр. 36. Без сомнения, единственное упоминание о Замошье в орденских источниках. Генрих Латв. молчит. Псковский летописец под 1215 краток: „Того же лета убиша многих немцы в Литве и Замошье, а город взяша“. Татищев, за ним Соловьев сочли Замошье литовской волостью. Янин выражал сомнение в 80-х гг.».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.